

Евгений ЖУРАВЛИ

ВОЛОНТЕРСКИЕ БУДНИ¹

Дата — тире — дата

— У нас есть план или опять по-русски? — осведомляется Лена.

Она опытный волонтер — уже вторая командировка, и ее действия кажутся более системными, чем у других. Задача у нас простая. Всех, кто болен — лечить, кто голоден — кормить, замерзающих — греть, погибающих — спасать.

План есть.

Семен грузно шагает по рядам маленького рынка.

— Такую-то знаете? — хриловато спрашивает сквозь седину.

Ищем уличкома — женщину, которая распределяет гуманитарку по кварталу. Указали, должна быть здесь.

— Да вон офис, спросите директора, — говорит кто-то.

Переглядываемся. Неприятная новость. Она директор рынка?

— Да бли-и-ин, — вдруг горестно растягивает Семен, указывая на лотки рядом.

Там вещи, которые мы привозили в распределительный центр.

Руины сгребли вдоль улиц в валы. Ехать теперь нетрудно. Пара неделя, а кое-где на завалах уже вылезла травинка или листок. Почти два месяца, как город пережил штурм. Многоэтажки полны лежачих стариков, которых бросили. Они не могут выйти за водой и гуманитаркой. День в одиночестве может стоить жизни. Ходим по домам, опрашиваем, ищем. «Газелька» заворачивает в очередной квартал. Лекарства, еда, вода. Семен тащит воду. Настя селфится на фоне какого-то покореженного металла.

— План-то есть, но... — Семену тяжело, одышка. В Афгане он был в первый призыв, нынешняя роль — единственно возможное участие. Он прислоняется спиной к стене у проема подъезда и долго прокашливается сквозь седую бороду, придерживая рукой тяжелый живот.

— Онтология, — поясняет он. Наверное, имеет в виду онкологию, но с озвученным вариантом не поспоришь. Такова онтология. Звучит

¹ Журнальный вариант очерков из книги «Линия соприкосновения».

сильно. Семен вздыхает, поднимает баклажки, входит в подъезд. Его последняя война.

Лихорадочно просматриваем записи. Глаза помнят — где-то здесь должно было быть еще двое лежачих. Но Настя уже разговорилась каких-то женщин и узнала, что инвалидов кто-то переместил, теперь о них заботятся. Идем в указанный двор, встречаем немолодую женщину с усталыми глазами.

Это она собрала из окрестных подвалов и квартир немощных, ухаживает за ними, добывает гуманитарку. Целый хоспис. «Господи, есть же люди», — тихо выдыхает Лена. У одного из подопечных — пролежни до позвонков. Переглядываемся — мы не медики. Завтра попросим армейских. Не откажут. «Мы будем заезжать. Все образуется», — успокаиваем женщину с усталыми глазами. Благодарим ее, оставляем гуманитарку по максимуму. «Кто вы?» — спрашивает она. Пожимаем плечами. «Господи, есть же люди», — шепчет она, крестит вслед. Плачет.

— Так есть план? — повторяет Лена. У нее деловой подход. Хотя тоже иногда плачет. Не зная отчего. Просто не ожидала такого. Поэтому снова приехала сюда. Это уже не отпустит.

Невдалеке мерно скрипит металл. На осиротевшей качели раскачивается солдат, другой, похоже, о чем-то острит, втиснувшись в маленькое сиденье карусельки. Прищур Семена разглаживается, переходя в нечаянную улыбку. Он и сам солдат, просто постаревший. Настя тянется за фотоаппаратом.

В Лене трудно обнаружить повышенную чувствительность. Но это там, где она не Лена, а Елена Александровна. Про нее можно сказать то же, что и про добрую половину волонтерш. Ни темная, ни светлая, средней комплекции, джинсы и пухлая куртка. По фамилии — Смирнова или вроде того. Лет пятнадцать как окончила филологический, лет десять как не меняла работу, хоть и не по профилю. Более-менее все благополучно. С семьей не сложилось, дочь пока что у бабушки. Кошку отдала соседям. Изредка, на корпоративы и праздники, красит губы, подводит глаза. Но это там. Здесь не так. Иногда Лена молча отходит в сторону, утыкается лицом в кулаки, недолго сотрясается. Теперь не красит и ресницы.

План есть. Детское учреждение. Туда и едем.

— Стойте, стойте! — вскрикивает Настя.

Валимся вперед от резкого торможения. Мину заметила? Вроде уже неделя, как их убрали.

— Уй ты моя милота...

Не обращая ни на кого внимания, Настя распахивает дверь «газельки» и устремляется к лохматому щенку. Тот принимает поцелуи, вертляво пляшет, пока Настя пытается надежно зафиксировать его мордашку для взаимного селфи.

— Черт бы тебя побрал, — сердится Семен.

Настя любит милоту. Это няшно. Это выглядит добром. Больше всего Настя любит делать фото с милотой. Это помогает причислить

к добру и себя. Мир нуждается в добре, поэтому при наличии связи Настя постит картинки и видео в своих пабликах. Люди умиляются, шлют нам вещи или просто деньги. Чтоб тоже почувствовать себя добром. Быть причастными. Настя не разочаровывает их, благодарит в ответ и постит очередную милоту. Люди умиляются снова. Так запускаются круги добра и пополняется наш склад.

Раздраженно перерыв бардачок в поисках сигареты, а может, корвалола, и не найдя, Семен откидывается на сидение и закрывает глаза. Воспоминания об Афгане и других земных конфликтах смешиваются с виденным здесь. Он давно знает — все это одна война, которая была прежде и будет после. Но он рад, что в строю и все еще ведет битву. Он кричит и снова долго кашляет, даже не открывая глаз. Онтология.

Настя никак не может сделать крутой кадр. Она юна, чуть взбалмошна и инфантильна, старается улизнуть от рутинной складской работы и стремится на выезды, где вау-эмоции смешиваются с испугом. Это захватывает. Любит она и фото подбитых танков и выгоревших девятиэтажек, на фоне которых предстает в образе воительницы. На ней тактический шлем и камуфляжная куртка. Броники перепадают нам редко, мы сразу дарим их ополченцам — те идут на штурмы, имея из защиты только иконки в нагрудных карманах. А вот шлемы никому не нужны. Казалось бы, странно — голова уязвимее, важнее. Но здесь боятся ранений, быстрая смерть считается избавлением.

Сегодня мы без шлемов. Как и всегда.

Семен снова привычно шлепает себя по карманам в поисках сигарет. — Не лизалась бы ты с этим псом, — хмуро высказывается он.

Щенку месяца четыре, все понимают, что это значит.

— Насть, хватит обниматься, неизвестно, что с ним, — вслед за Семеном вразумляет девушку Лена.

Но Настя не врубается:

— Может, заберем? Смотрите, какой пупс! Он же брошенный?

Семен машет рукой, Елена тоже ничего не объясняет, просто подходит и тянет Настю в машину. Слава богу, рядом появляется сука с обвисшими сосками, осторожно обнюхивает чадо. Два месяца они питались человечинной.

Нужно заехать в собес. Приватный разговор.

Унылые стены училища, гулкое эхо коридора, капающая вода. Небольшое столпотворение возле бывшего спортзала — здесь распределительный центр государственной гуманитарной помощи. Усталые люди просто ждут, никакой выдачи нет.

— Создается впечатление, помощь идет не по назначению, — осторожно кладет слова Семен. — Полный склад, а люди ничего не получают.

Директор понимает, на что намекает Семен, сердится:

— Думаете, ворую? Давайте откроем склад — люди вынесут всё за час. Надо не надо, налетят, будут хватать, сколько смогут. Нуждающиеся опять не получают.

Семен смущенно морщится — ответить нечего.

— Вот еще три адреса. Неотложно, просто катастрофа, — вставляет Лена.

Директор принимает листок, в ответ дает свои списки.

— Давай сейчас только без этого, — останавливает Лена Настю, приготовившуюся фотографировать.

Безудержные снимки Насти и еще пары таких же энтузиасток на самом деле очень важны. Стоит им написать на своих страницах: «бетаметазон или аналоги», «ходунки детские», «мочевой катетер» или «бронеплиты керамика бр-5», как через пару дней нужный товар уже едет в Ростов, оттуда переправляется нам. Листая их страницы, хочется рыдать от ужаса и восхищаться героизмом одиночек. Так действует древний закон добра — чем страшнее, тем больше готовность жертвовать.

Первый этаж длиннющей высотки, пандус, яркие вывески. Приехали. Вообще-то детей здесь мало. Когда начинается война, люди спасают самое ценное. Детей. Также не встретишь и красивых девушек, им легче найти, куда свинтить. Следом ударяют по тапкам все имущие. Остаются те, кому некуда ехать или кого бросили.

Этот интернат не успели вывезти. Мы уже были здесь. С едой и вещами все благополучно, нет главного. Выкладываем головоломки, карточки пантомим, настолки, теннис. Будут меньше курить за разрушенной кочегаркой. Детство — это игры.

Воспитательницы, охая и не зная, за что хвататься, отступили к стенам, предоставив свободу юному любопытству. Одна из них часто что-то смахивает с уголков глаз, вторая просто укрывает ладонью нос и губы. Лена незаметно вкладывает им в руки по пакету карамелек. Сладкое здесь в дефиците. Едой обеспечили, но сладкого, хоть умри, хочется всем. Найдут, как распределить. Настя в это время устроила веселую круговерт, изображая какие-то фигуры, втягивает детей — под фотосъемку. Но быстро забывается, ей самой весело.

— Кто давал разрешение? Что раздаете? Почему съемка? — вбегает через двадцать минут какая-то чиновница из исполкома.

Уже пронюхали. Тем лучше.

Воспитатели виновато прячут глаза. Семен хмыкает и расправляет плечи, предчувствуя битву. Настя незаметно дрейфует в сторону и включает видео. Лена превращается в Елену Александровну.

Мотив чиновницы ясен. Страх. Логика примитивна — если что-то дарят, значит, учреждение нуждается, а это дискредитирует ее работу. Ведь она делает все, что может, а по отчетам — и того больше. Но дарители снимут видео, «расшарят» его по максимуму в сетях, глядишь, и на ТВ мелькнет. Если вдруг начальник чиновницы увидит ролик или хотя бы услышит о нем от кого-то, у него включится та же логика. Так же подумает и начальник начальника. Катастрофа. Домино. С невысокой бюджетной должности эти столбики домино, которые угрожают посыпаться, выглядят огромными. Возрастающей цепью они уходят в бесконечность, затеняя близкую группку детей.

Елена Александровна понимает источник агрессии чиновницы. Елена Александровна откапывает этот мелкий страх и начинает надуть его. Она говорит, что съемка уже идет, материал шикарен — действительно острый материал, только представьте: кто-то препятствует помощи детям, небось неспроста. Чиновница пытается сопротивляться.

— Как не положено? — парирует Елена Александровна. — Кем не положено? Вами? Тогда назовите имена!

Та переходит на заговорщицкий тон, намекая, что мы переходим черту. Звучат слова «отдел», «комендатура» и даже «контора».

— Вы, наверное, давно там на серьезной должности? — подначивает Елена.

— Да-да, — загадочно подтверждает госслужащая. — Не первый год... Еще не понимает, что попалась. Семен хмыкает. Мы сочувственно киваем — все, кроме Насти. У нее камера.

— Шикарный материал, — роняет Лена.

Жертва вдруг осознает, как ее фарс выглядит со стороны.

— Конечно, в контору, — добавляет Семен.

У чиновницы в глазах мелькает паника. Видно, как все внутри ломается. Но Елене Александровне мало раскатать человека. Нужно идти до конца. Незавершенный конфликт всегда порождает большие жертвы. Елена приехала спасать. Готова вести, пока человек сам не нащупает путь к спасению.

— Господи, — выдыхает чиновница.

Вот оно. Нокаут.

— Господи, я же просто... Я же ничего... Это ж совсем не о том...

Лена слегка обнимает побледневшую женщину и молча кивает. Теперь та — лучший и искренний наш помощник. Настя опускает камеру, прощаемся, выходим. Лена остается проговорить наедине условия капитуляции. Все хотят как лучше. Из-за этого все так.

Семен закуривает на крыльце, удовлетворенно потягивается, идет к машине. Середина дня, а идет все неплохо. Более-менее по плану.

Вообще-то должен подскочить Юра. Это наш командир, основатель всей движухи. Когда-то был ополченцем, потом помогал сослуживцам и гражданским. С началом войны невидимая гравитация соединила его с такими же энтузиастами — кто-то спасал беженцев на Успенке и Чонгаре, кто-то кормил жителей Мариуполя, кто-то добывал броню и ботинки для солдат. Сейчас, спустя четыре месяца, частный энтузиазм превращается в системную машину помощи. Уже есть склад, есть безликие спонсоры, желающие помочь, когда государство не справилось, есть зачатки команды — мы.

— Шарим дальше по кварталам. По-любому еще не всех нашли, — отвечает Семен на немой вопрос вернувшейся Лены.

Та кивает. Хороший план.

— Давайте в темпе. Когда Юра нас словит, хана всем планам. Всегда у него что-то срочное и неотложное.

Где-то невдалеке мощно бахает. Прилет. Переглядываемся. Елена — взволнованно, Семен — вопросительно, Настя — с надеждой.

— Не, не, Настя. Тебе по-любому туда нельзя. Тем более щас еще бахнет, — осаживает ее Семен.

— Репортаж... репортаж... репортаж... — скулит Настя, с мольбой лова взгляды.

Стоим, прислушиваемся. Повторного нет. Заминка.

— Вдруг там люди... — озвучивает Лена то, что думает каждый.

Подъезжаем. Машину оставляем чуть в стороне. Слава богу, никого не задело, просто по тротуару. Значит, издалека, наобум. Значит, следующий прилет будет в другом месте.

— Давай быстрее, — подгоняет Семен Настю.

Понятно, о чем он думает — сейчас здесь же нарисуеться Юра. Закон притяжения. Будет сердиться, что девушек подставляем под удар.

— Репортаж!.. Репортаж!.. — восхищенно ликует Настя, бегая по битой крошке от одного свидетеля прилета к другому.

Визжат тормоза уазика, подняв мелкую пыль. Юра.

Крикнув из двери:

— Почему без касок? — он спрыгивает на землю и бежит к месту взрыва, но, оценив результат удара, не спеша возвращается.

Делаем сокрушенные лица. Известно, Юра строгий, но добрый.

— Мур-р-р, — сглаживает негодование командира, появляясь из ниоткуда, Настя. Экипирована.

— А тебе вообще здесь быть нельзя. И даже приближаться километров на двадцать, — строго обрубает Юра. — Что я твоей маме скажу?

Настя возмущенно хлопает глазами. Сейчас скажет, что уже взрослая.

Но видно — Юру уже отпустило. Тем более жертв нет. Как ни крути, хороший день.

— Ладно, давайте к делу, — закругляет внушение Юра.

Приносит несколько упаковок, объясняет, как и куда ехать, пишет позывной-пропуск, поглядывая то на часы, то в сторону солнца.

— Ну, назад по ночи, с позывным пробьетесь как-нибудь, если что...

Вдруг замирает — девушек-то деть некуда. Сам тоже едет в самое пламя.

— Мы тоже... мы тоже... мы тоже... — поняв причину замешательства, вспыхивает Настя. Попасть «за ленту» — пик ее стремлений.

— Ну блин, — сердится Юра. Выглядит грозно, а даже матом не ругается.

— Засветло тронемся, — предлагает решение Семен.

Он уже изрядно набегался за день, сидит на груде бетонных обломков, задумчиво теребя свежие травинки.

— Хорошо. Пораньше. Но только парни, — соглашается Юра, бросая взгляд на Настю.

Та складывает ладошки, изображает кошачьи глазки.

— Нет. Только парни, — повторяет Юра.

Подняв дымку пыли, уазик скрывается. Семен, не вставая, долго кашляет, замирает, уперев лоб в руки. Устал.

— Отец Викентий! — окликает прохожего Лена.

Человек с парой лопат и связкой черенков оборачивается, близоруко всматривается, подходит.

— А, здравствуйте, божьи люди! Тоже поспешили на беду?

Из-под куртки виден подол рясы. Семен с улыбкой поднимает грузное тело, отряхивается, острит:

— Эй, Абдула, откуда здесь? Стреляли!

Священник смеется:

— Да. И слава Господу, обошлось.

— Подвезти вас? — предлагает Лена.

Мы часто заглядываем к нему в приход. И во все другие. Храмы — первые и главные социальные центры в местах, где прошла война. Здесь, в городе, сохранились и школы — там тоже хорошо знают паству. Но церкви важнее. В каждом селе, где есть храм, священник, как капитан корабля, не покидает своего места, пока рядом хоть один верующий. Храм, по сути, и есть ковчег. Как только маячит беда, люди бегут к священнику за надеждой. В мирное время снова забывают. Обе армии стараются беречь намоленные стены. Часто бывает, от селений остается лишь побитая осколками церковь, а в ней несколько прихожан с несгибаемым кормчим.

У попов много невероятных историй. Их негласно свободно пускают через линию фронта. Кого-то отпеть, кого-то крестить. Помнится, один батюшка рассказывал, как он миновал блокпост на «той» стороне и до него докопался патриот незалежной, мол, «москальская вира — це пропаганда», не хотел пускать. Но дело было неотложное, батюшка уговорил того, что на обратном пути выслушает и поспорит. И вот, свершив таинство, вернулся к мятежному и долго-долго аргументировал, какой обряд канонический, какой — пропаганда, рассказывал про апостольское преемство, историю этой земли и суть веры. В конце концов впечатлил парня настолько, что тот попросил помолиться за своего сослуживца, недавно убиенного. Однако тут же замешкался, не зная имени, был лишь позывной. «Помолитесь за Вампира», — попросил он.

Отец Викентий тоже из подвижников. Устраивается сзади на сиденье, осеняет присутствующих крестом.

— Только бахнуло, а батюшка уже с лопатами... Вот это опыт... — подначивает Семен.

— Да я ж с рынка. Лопат у меня не хватает, уработали все. А тут как раз прилет, — оправдывается тот.

— Как там, шайтана изгнали? — переводит тему Семен.

— А... этого... — вспоминает отец Викентий.

Недавняя история — обратились к нему бойцы-мусульмане, мол, в парня после контузии вселился шайтан. Дикий стал, припадочный, обозленный. Викентий успокоил их: вы по адресу, Аллах един; шайтан, точнее Даджаль, а по-простому — бес, тоже. Прописал освященную воду, попросил приводить к нему. И обрабатывал парня девяностым псалмом, да не забыл у начмеда попросить нужные медикаменты.

— Так что, батюшка, вылечили? — влезает Настя.

— Не знаю. Господь по-своему управил. Погиб в бою. Шахидом, получается, стал.

В этих местах немало солдат-кавказцев. Проповедника у них, понятно, нет. Вот, нашли пастыря, более-менее все уладилось.

Колеса шлепают по ухабам, мелькают мимо жители с велотележками и бронемшины служивых, молчим, смотрим по сторонам. Огрызки деревьев, пожженных артиллерией, зазеленелись прямо по стволам. Из сваленных тянутся уверенные ветви — с мертвого тела растёт быстрее.

Храм Викентия в пригороде, тормозим на блокпосту. Рядом узик военной полиции. Солдат оглядывает багажник, инспектора тоже лезут.

— Что это такое у вас? — спрашивает, указывая на коробки, которые передал Юра; там, похоже, мавики².

— Не знаю, не специалист. Дали — везем, — по-доброму отбрасывает Семен.

— А документы есть? А если что-то не то? — прощупывает служивый. Семен смотрит на него, как на дурака, сердится, подбирая слова. С Большой земли, что ли?

— Так отбери, — провоцирует он.

— Чё такие борзые? От какой организации? — заводится служака.

— Как раз узнаешь, — парирует Семен.

Полицейские зло застывают, решая, идти на принцип или нет.

— Подождите, вам тут передали, — выскакивает Настя, вручает каждому по детскому письму из тех, что малыши пишут на фронт в школах.

Те неуверенно берут треугольнички в руки, теребят в пальцах, сердятся.

— Одно дело делаем, — говорит офицер, даёт отмашку.

— Вы же по детям в основном? — спрашивает, выгружая свои лопаты, отец Викентий.

— Да нет, как получается, — отвечает Лена, выбирая из груза в багажнике, что можно ему добавить. Тут, при церкви, тоже — и стол для бедных, и стихийный хоспис.

— Есть ещё одно место, где дети, — продолжает поп. — Сектанты, но тоже божьи люди.

В двух словах объясняет, как добраться.

Семен, выгрузивший крупу и книги, распрямляется, прикидывая в уме названную локацию. Из-под тельняшки вывалился крест вместе с армейским жетоном. Семен, размотав цепочки, заправляет все назад. Отец Викентий задерживает на жетоне взгляд, Семен это замечает.

— Кундуз, семьдесят девятый. Потом Кандагар, — поясняет он.

— Файзабад, восьмидесятый, — отвечает отец Викентий. — Потом Кандагар.

Оба замирают друг напротив друга, сдерживая улыбки, молчажимают руки. Слова больше не нужны. В одном строю.

² Мавик (Mavic) — компактный дрон.

— Ты понял, на что у него расходуется лопаты? — спрашивает Лена, когда мы уже тронулись.

— Когда-нибудь и сам там лягу, — отвечает Семен.

— А что, а что? — интересуется Настя.

— Да нет, ничего особенного.

Семен отворачивается к окну, думает о своей войне, Лена о лопатах. Мелькают огрызки деревьев, бухают под днищем ямы. Инспекторы с блокпоста уже уехали, солдат машет рукой, разрешая не останавливаться. Настя все равно требует остановить, протягивает в окошко пригоршню конфет. Рядом, сидя на бетонном блоке, юный ополченец даже не поднимает голову, смотрит мулы.

Искомый адрес — просторное молельное помещение без символов и двухэтажный жилой блок. Все целое, даже стекла. На первом — столовая и игровая. Действительно, несколько мам с детьми сидят с тетрадями и карандашами.

— Мы никакой религии. Мы всех религий. Бог один, — отвечает на незаданный вопрос средневозрастной мужчина с лучистым кротким взглядом. Как и у многих людей со светлыми лицами, в нем чувствуется давняя страшная драма. Приглашает войти, показывает обстановку. Есть даже мастерская, где молодые парни мастерят маленькие металлические печки. Загодя готовятся к зиме. Наверное, будут раздавать. Говорит, тоже окормляют всех, до кого могут дотянуться, не только своих. Спрашиваем о трудностях. Чем можем, поможем. Даем несколько стопок книг, оставшиеся сладости и медикаменты.

— Насть, ну будь человеком, — укоряет Лена.

Настя смущенно добавляет в пакет утаенную плитку шоколада.

— А кто же вас к нам направил? — спрашивает человек со светлыми глазами.

— Бог, — уверенно отвечает Лена.

Солнце склонилось к крышам. Пора и на базу. Неплохой день.

— Может, к Викентию снова заедем? — предлагает Лена. — Что он там один убивается. Видела я его помощников. Божьи люди...

— К нему? Конечно, — оживляется Семен, уже привалившийся к боковому окну.

Видно, как он устал. Закрывает глаза, пытаясь вздремнуть, но вновь заходится нескончаемым сиплым кашлем.

Храм на красивом месте — камни, сосны. Птицы распелись к закату. Настя побежала фотографировать. Тут и всяких хвостатых много, быстро не вернется.

Отец Викентий появился с поля, уже без рясы, с лопатой, в компании с сереньким мужичком:

— Вот так встреча! Не прошло и полгода, как говорится!

Еще во время боев территория рядом превратилась в стихийное кладбище. Сейчас город решил — так тому и быть. Люди выкапывают из дворов своих гражданских, военные собирают в мешки останки

противника, комендатура эксгумирует расстрелянных. Все везут сюда. Кладут по-человечески, с крестом, именем, у кого есть. Викентий отпевает. Но не успевают копать. Люди часто немощны, а везут много.

— У вас одна машина или еще «жигуль» есть? — интересуется он. — Вот-вот. А то меня солдат-мусульманин спрашивал, ездят ли наши ангелы на «жигулях». Говорит, на шоссе с их грузовиком поравнялся «жигуль», красивый человек за рулем перекрестил их через стекло, на газ — и скрылся. На машине было написано «Добрый ангел», вот как у вас. Забавно, право же. Воцерковили мне послушника.

Всякое бывает. Лена достает перчатки, убирает волосы под платок. Берем лопаты. Поможем чем можем. Правда, потом по ночи через блокпосты — в комендантский час могут не пустить. Ничего, пробьемся. Если нет — заночуем у вояк. Или здесь. Так даже лучше. Настя будет только рада. Все равно никому не хочется сейчас в холодные стены. Жизнь здесь.

Хоть она и выглядит как пестрые ряды палок-крестов, все равно это жизнь. Промежуток между датами. Воля, слабость, надежда, испуг, превозмогание. Попытка доказать себе, что существуешь. Пыль, стук комьев, шорох осыпающейся земли, жгучая резь пота в глазах, изможденная улыбка Викентия.

По вечеру не душно, самое время копать. Спустя время Елена опускает лопату:

— Надо бы Семена посмотреть.

Семен отошел воды попить, долго не возвращается.

— Пусть отдохнет.

— Нет, надо глянуть.

Семен сидит на земле, у колеса машины. Уронил голову, спит. Непонятно, правда, каким сном. Настя замирает на полпути, порывается что-то сказать, но, так и не произнеся ни звука, бросается к нему. Ничего не поделаешь. Онтология.

У вершины холма

У азиатов существовала забава — помещать младенца в фарфоровую вазу без дна. Тело росло и искривлялось, получался человек в форме вазы. В «Человеке, который смеется» описано, как торговцы уродами покупали детей, искажали тела операциями, потом продавали на потеху. Но человек — это не только тело. Если Гуинплен смеется, это означает: он плачет. В те дни я как раз читал Гюго — в отсутствие интернета взялся за потрепанные издания полувековой давности, присланные в качестве гуманитарки.

Отработав в Лисичанске, вновь завернул на север, к Матросской — одноэтажному кварталу на холме, с прекрасным видом на реку и убогому внутри. Грунтовые улочки, частные домики скромно-дачного или показательно-зажиточного вида. Мирно и тихо. Район, хоть и находился на высоком месте, не пострадал. Это внушало надежду.

Дело обычное — поступила просьба найти человека, узнать, как жив-здоров, наладить связь. Но с ходу найти не получилось, слишком

путаными оказались адреса. Обозначения отсутствовали, за два десятка лет переименований все смешалось, сложились другие ориентиры. Мы уже приезжали сюда недавно, потратили много времени; кажется, были у каждого дома, расспросили всех встреченных, но безрезультатно.

Просивший помощи указал эстонский номер телефона. Ничего удивительного. Люди всего мира смотрят новости, ужасаются, вспоминая о близких, живущих среди этих событий, желают помочь. Мы не разделяем добро на для «своих» и «чужих», иначе грош ему цена.

В тот день я решил повторить прежний алгоритм, не придумывая ничего нового. Попробовать еще раз, потом снова, а потом опять и так далее. Обычно это дает результат, хотя и требует некоторого упорства. Как сказано, «стучите и отворят». Мне нравится выражаться иначе: «у дятла голова не болит».

Вселенная благоволит настойчивым. Помощь сама пришла откуда не ждали.

Завидев невдалеке назойливое, как птичья клякса на лобовом, яркое движущееся пятно, сразу подумал — наш шанс. Навстречу торопилась нетвердой походкой лахудра в желтом халате, громко вопрошая:

— Шо привезли? Даете шо-нибудь? А мне? Мы бедствуем. Да дайте шо угодно.

Блаженны нищие духом. Молодая, но уже с испытанным лицом, бывшая красавица с ходу взялась решить проблему.

— Нина Михална? Не помню. Ща найдем. — В ее голосе сквозила надежда на дивиденды.

С полчаса побегав, нашли нужный адрес. Но пенсионерки там не оказалось. Что ж, тоже результат. Можно попробовать еще раз, потом снова, а потом опять. Схема рабочая.

Пьянчужка в желтом халате стала волноваться, что останется без вознаграждения, и я успокоил ее, дав сотню на пузырь и продуктов, чтоб не была голодной. Сказал ей — если узнает, точно ли здесь живет пенсионерка, время, когда та дома, и найдет способ связаться со мной, одарю всеми богатствами.

— Пятьсот деньгой и продукты! — заявила она.

Ее запросы оказались невелики. Я примерно на то и рассчитывал. Стал писать на листке номер.

— Да знаю, знаю, милый, — перебила лахудра, когда попробовал инструктировать ее. — Найду кого-нибудь, напишут тебе.

Ишь ты... Понятно, не хуже меня в курсе, как передать весточку, а ведь даже телефона нет. Человек легко приспосабливается ко всему. Отсюда километров десять до места, где ловится связь, плюс лезть повыше, ждать, выискивать волну. Те, у кого есть телефоны, раз в сутки снаряжают посылного, чтоб вывез аппараты в зону связи, где отправятся их СМС и пикинут ответные.

Я вежливо улыбнулся ее деловой уверенности.

Спустя неделю от Желтого Халата пришло сообщение. Все было указано четко. Назначив день, я выехал и действительно застал Нину

Михайловну на месте. Но, как ни странно, поблагодарив, она отказалась от помощи и контактов.

— У меня нет родственников, — огорошила она.

Обеими ладонями поправила голубой платок на волосах. Не такая уж и старенькая. Сухая и аккуратная, лет около семидесяти, выглядит крепко. Платок приспущен на затылок, обнажая седину. Сухие руки без конца одергивают карман куртки. Наверное, волнуется. Хотя причин нет.

Чуть смущаясь, добавила — не откажется лишь от любых книг. Телевидения и интернета нет, скука. Плюс тоска по родному языку, в последние годы русское слово здесь было дефицитом. И конечно, книга позволяет отвлечься от реальности. Здесь все спрашивают книги.

— Книг с собой нету, — смалодушничал я. Одна-то у меня была.

Нина Михайловна кивнула. Странная вышла ошибка, подумал я. Адрес и имя совпали. Может, настолько дальние родственники, что она и предположить не может, кто ее ищет? Я сам не знал ни имени, ни места жительства искавшего.

Когда уже шел к машине, меня догнала крутившаяся неподалеку Желтый Халат и схватила за локоть:

— Есть сын у нее, уехал, когда отступали.

Суперагент. Ответственно подходит к заданию.

— Нина Михайловна, — окликнул я пенсионерку.

Та вежливо не входила в дом, ожидая, пока гость уедет. Теперь, помедлив, спустилась с крыльца к калитке, вздохнула, начала рассказ.

Оказалось, нам пишет ее сын, но она не желает его видеть и слышать. Проклял ее, назвал «сепаркой», сказал, что у него больше нет матери и что именно из-за таких, как она, война. «Ты мне не мать. Так и сказал. Ты мне больше не мать, говорит». Она уговаривала остаться, но тот бросил ее. «Сдохните здесь, сепары». После штурма прошло уже много времени, но интересоваться ее жизнью он стал только сейчас.

— Наверное, его просто дом интересует. Он хотел забрать документы на дом, я отказала, — добавила Нина Михайловна.

— Может, хотя бы видеопослание? Мол, жива, все в порядке, ничего не нужно. Он же волнуется.

Нина Михайловна грустно посмотрела на меня, не нашла слов, просто покачала головой.

Ну что поделаться? Человек не хочет, не заставляй же.

Немного помявшись, простился, сел в машину.

— Заезжай, если что, — крикнула вслед Желтый Халат.

Вся эта история немного подпортила настроение. Добрые дела хочется делать, когда усилия приносят результат. Но тесны врата и узок путь. Иногда опускаются руки. Перестаешь верить в людей. Удручают не конкретные ситуации, а то, что такое сплошь и рядом. Мать и сын — он бросил, она не хочет мириться. «Бывает, — говорю я себе. — Ничего необычного». Ничего необычного... От такой мысли погано.

В зоне связи я написал сыну Нины Михайловны о встрече. Получил в ответ просьбу позвонить в любое время. Почувствовал раздражение,

но, как говорится, «если возложили на тебя повинность сопровождать на версту, иди две». Спустя пару дней, имея устойчивый интернет, набрал номер.

— Закажите хвильну, — услышал молодой женский голос. И спустя несколько секунд, по-русски: — Алё! Извиняюсь, не могла разговаривать. Насчет Нины Михайловны?

— Да, но ожидал услышать ее сына.

— Я волонтер, — ответила девушка, — он обратился ко мне, я нашла вас. Он хотел бы переговорить с матерью. Может, уговорите?

Она добавила, что им трудно поверить, когда мать не хочет перекинуться хоть словом с сыном. Такая ситуация кажется подозрительной. У них сложилось устойчивое убеждение, что мать запугана, боится разговаривать. Ведь у нас тоталитаризм. Всякое рассказывают... А сын любит, переживает, жить спокойно не может. Просто хочет убедиться, что мать в порядке.

Такой накат расстроил еще больше. Стал убеждать, что дело обстоит вовсе не так, но коллега не верила. Предположила, что мне ситуация может казаться нормальной, но «со стороны видней».

— Поверь, человек как огурец — в каком рассоле полежал, таким на вкус и становится. Ты просто уже не видишь... И не может быть, что интернета нет. У нас он везде. Вы просто под колпаком, — сказала она.

— Может, вы там под колпаком? — Я стал сердиться. — Ладно, кажется, не о чем разговаривать. Желаю удачи в добрых делах.

— Эй, подожди. — Она чуть сбавила тон. — Я знаю, ты, может быть, боишься. Телефон на прослушке? Ни слова о политике. Подумай — вот мать и сын. Пусть они просто поговорят. Одно ведь дело делаем. Волонтеры мы или нет?

Надо признать, разговор с коллегой с той стороны меня зацепил. Возмутил. «Под колпаком», «люди-огурцы». Может, я что-то не понимаю? Захотелось доказать обратное. Непонятно что, но что-то доказать. И подкупающее: «Волонтеры мы или нет?» Нашла, на что надавить. Самолюбие. Вернее, даже самолюбование. Я купился.

— Ну зачем же вы это делаете, зачем? — всплеснула руками Нина Михайловна, когда увидела меня спустя пару недель и услышала мое предложение.

Знала бы она, сколько было приложено усилий, чтоб добыть часик спутникового интернета. Нужно оборудование бывает только у блашников — операторов БПЛА, и то трофейное. Блашники очень плотно дружат с нами, потому что практически все, чем они воюют, сделано и поставлено энтузиастами — родственниками, волонтерами, неравнодушными. Бойцы с пониманием отнеслись к нашей просьбе и согласились организовать связь в нужное время, не ставя в известность начальство. Старая истина — делаешь добро, не учиняй шума.

Долгожданный разговор все-таки состоялся. Стоял погожий осенний день. Ребята разматывали провода, Нина Михайловна одергивала

подол куртки, не зная, куда деть руки, а я смотрел на далекие дымки, хорошо различимые с этой высоты и кажущиеся такими мирными. Когда все было готово, набрал номер. Раздался уже знакомый девичий голос:

— Алё. Привет. Вот видишь, а говорил, связи нет...

Я не стал объяснять, только тяжело вздохнул.

— Ну что ты пыхтишь. Я ж с добром. Знаю, ты на большой риск идешь, что этот разговор устроил, — продолжила она. — Но пойми, мы тоже. За контакт с врагом можно неслабо загреметь. Вот видишь, сын идет на этот риск ради матери. Я соучастница. Так что мы тоже рискуем.

Я прервал ее:

— Давай по делу. «Да-да», «нет-нет», все остальное лишнее.

— Боишься все-таки. Я знаю, у нас тоже препятствуют всякие чины, и откаты требуют, и гуманитарку разворовывают. Командиры тоже, бывает, у бойцов забирают. Посылки, получку. Но хотя бы на подвал не сажают, как у вас.

Не противься злу, но противься неправде. Что мне было сказать? Бывает, маленькие начальники включают режим большого начальника. Боятся ответственности. Не всегда понимают, что к чему. Бывает, воруют. Но это исключения. Наверное, бывают мародерства и убийства. За них судят.

— Скажешь, и сами вы бессребреники? — язвила, как ей казалось, она.

Пахло землей. Щебетали воробьи, внизу серой лентой вился Северский Донец. Прекрасная картинка осени. Гюго писал о деформированных людях. По его словам, искусство переделки человека — болезнь, свойственная лишь вершине развития общества. В его годы такое искусство стало угасать. Стоя с трубкой у уха, я вглядывался в линию горизонта, чуть размытую низкими дымами. Не может укрыться город, стоящий высоко на горе. Ветер из-за спины подбирал мелкие бумажки и листья, уносил их вниз на поля. Сейчас мы вновь на вершине...

— Да я ничего такого, просто по душам хотела с коллегой... Это ты так воспринимаешь. Нам тоже нелегко, но вас, русских, вообще жаль. Ой, ты же боишься, что тебя слушают! Ладно, извини, сейчас на твой контакт человек позвонит, дашь поговорить с матерью... Счастливо!

Засветился экран, я передал телефон Нине Михайловне. Она отошла с ним в маленький палисадник, стала медленно ходить из стороны в сторону, задумчиво срывая желтые вишневые листья с ветвей, в основном молчала.

Я закурил сигаретку. На душе стало спокойно. Помирятся, куда денутся. Любовь все победит, а материнская тем более. Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, молитесь за обижающих и гонящих вас... Все устроится. Если захотят, провожу ее до Минска, там сын заберет. А может, и сам сюда приедет. Не так уж все и плохо.

Сигарета еще не кончилась, когда Нина Михайловна направилась ко мне.

— Не заставляйте меня снова с ним разговаривать. — Она протянула телефон. — Его интересуют только документы на дом.

Вот так вот. Я помолчал, размышляя, как ободрить женщину. Стало немного стыдно, что заварил всю эту мамалыгу. Когда делаешь добро, правая рука не ведает, что творит левая.

— Номер сына написать? — Понимал, зря спрашиваю, но и знал, что винил бы себя, если б не спросил.

Она только отмахнулась.

Хотелось что-то сказать, но не находилось никаких слов. Достал пакет с книгами, который приготовил ей, добавил и своего читаного Гюго.

Вновь зазвонил телефон.

— Зачем ты отобрал у нее трубку? — раздался знакомый голос.

— Не отбирал. Они поговорили. Вот Нина Михайловна рядом...

— Как не отобрал, если отобрал... Знаю я вас... Ты не хотел, чтоб они что-то решили?..

Почему-то вспомнилось — на местном диалекте есть забавное слово «купорка». То, что у меня на родине называют «закрутки». Все, что консервируют на зиму в банки, закупоривают. Здесь с этим красота. Баклажаны, лечо, овощная икра, варенье — как обычное вишневое, так и экзотическое, с грецким орехом, — обалденные красные перчики в остром соусе, помидоры в собственном соку, белая фасоль, цукаты в сиропе, взрывающий обоняние виноградный сок, душистый маринованный чеснок... И, конечно, соленые огурцы. Наверное, она права. Купорка во всех краях разная, а соленые огурцы есть везде.

— ...Вот видишь, опять лжешь. Когда уже выйдете на улицы? — не успокаивалась она.

— Какие улицы, ты о чем?

— Ну власть вашу диктаторскую свергать. Давайте. Все устали. Или ты фанат Путина?

— Не фанат. Но какой мне интерес кого-то свергать?

— А, ты же на прослушке...

Человека невозможно переубедить, если он верит. Бесполезно что-то доказывать. Человек не может признать чужие аргументы, даже самые ясные и разумные, это ставит под сомнение картину мира, собственную идентичность. Легче обмануть себя, заставить закрыть глаза, но не разрушить.

— Боишься... — констатировала она. — Ничего не говори. У тебя голова есть, ты-то понимаешь, что войну пора заканчивать.

— Если снести нашу власть, война закончится?

— Конечно.

Знаю, вся кровь — на таких убежденных тварях. Все войны мира из-за таких, как она. Как я.

— В России тоже наступит мир?

— При чем тут Россия. Всякое у вас будет. Поймете хоть, что такое «страшно».

Не ожидал услышать другого. У Гюго написано, что рай одних держится на аду других. Но какой мерой мерите...

— А зачем мне этого хотеть?

— Бли-и-и-ин... Как же я ненавижу вас, русню... Сдохните, твари!

Так всегда и бывает. Иногда и хуже. Хорошо, что хоть так.

Когда отъезжал, видел: Нина Михайловна не стала подниматься в дом, лишь сделала пару шагов, потом прикрыла лицо руками, медленно осела на лавку, где стала сторбленно сотрясаться. Такое оно, добро.

Вспомнил: среди книг, что привез ей, мелькнул Горький. «Мать». Теперь подумалось — чтоб все вместить в это слово, наверное, одной книги мало. Да и ту не читал. Ну ничего, на складе поищу.

Проезжая мимо магазина на перекрестке, услышал крики: «Гэтэ отсюда эту лярву!» Из павильона выскочила, нервно хохоча и отмахиваясь от какой-то тетки, Желтый Халат. Правда, была она не в желтом халате, а вполне себе в штанах и куртке. Хоть один человек, который смеется.

За пять минут до

— Ладно, пора, наверное, — говорит Юра.

Но сам медлит, не идет к выходу. Непонятно, о чем он — собирается выдвигаться *туда* или, наоборот, сваливать? *Туда* уже и не зайти. Арта как раз в ту сторону наваливает. Гуще, гуще. Похоже, решили перепахать всё. Наверное, и заходить будут. После разрывов — треск, фейерверк. Кассеты.

Взгляд произвольно мечется к пустым проемам на каждый выбух. Но отсюда не видно, только звук. Здание школы, в котором сидим, бомбили при контрнаступе, окна утратили форму — просто проемы. Сидим на первом этаже — что-то типа холла, по бокам угадываются обваленные секции кабинетов. Выше — руины, крыли сильно. Но крепче здания в поселке нет. Точка встречи. Те, кого ждем, должны прибыть сюда.

Дождя нет, как назло. С неба срисуют сразу, особо не поездишь.

— Может, выберутся.

Юра обводит всех взглядом, словно спрашивая ответ. Ответа нет. После арты пойдут штурмовые, по ним начнет работать наша арта. Следом наша зачистка. По ней начнут тяжелым бандеры, потом запустят своих. И так без конца. Не выберутся. Юра смотрит на часы. Минуту назад тоже смотрел. И за минуту до того.

— Пора. — Но остается сидеть.

Уже часа два, как назначенный срок миновал. Есть повод нервничать. Ясно же, если б могли — прибыли бы заранее. Что-то не так. Но понятно, где-то там, за пределами видимости, люди борются. Может, бегут, но скорее всего — сжались комочками в содрогающейся темноте. Сейчас самая большая их борьба.

Стоим на невидимой границе. Просто ждем исхода. Выйдут или подадут знак — отвезем в жизнь, не выйдут — по ту сторону их без нас доставят. Перевоз. Юра и есть перевозчик. Не мифический, настоящий. Эвакуирует. Может, сейчас как раз Харону в глаза и смотрит — уставился куда-то немигающим взглядом.

— А? — Юра вырывается из своих видений. Но никто ничего не говорил.

Время капает помаленьку. Странно, вроде каждая секунда мучительно тягуча, а счет им размыт: непонятно, сколько сидим. Ощущение — как в сказке какой-то или во сне. Будто мы персонажи. Начнутся события, оживем, а пока застыли в безвременье. Просто сидим. Сторожим время. Снаружи мерно ухаёт.

Если закрыть глаза, можно представить себя дома, у моря. Сидишь себе в защищенном месте, а где-то недалеко волна бьется о пирс. Помню, в детстве поехали с родителями, море волновалось тогда, купаться нельзя, — так вот стоял, а где-то в темноте передо мной сердилось все, с разгона шлепало о причал. Облака взвеси, капельки садятся на нос, очки туманит. Удар, вздох бетона, шипение, еще. Подумалось тогда пошкольному: если в кубометре воды тонна, то какая масса бьет в мой отрезок бетона? Это ж какая мощь! Так стихия и пленила. Непередаваемое. Море, море. Будто из другой жизни. А сейчас здесь.— Смотри-ка, ближе кладут. Так и до нас скоро...

Лень даже тревожным взглядом обменяться. Незачем. Рано или поздно до всех дойдет. Но пока еще можем выехать. Те, там, сидят сейчас в блиндажах или погребках, тоже покорно ждут. Преданы высшим силам. Пронесет — хорошо, выжил. Не пронесет — понять не успеешь. Вот и вся война. Нехитрое, в общем, дело. Поставили задачу — иди. Дошел — окапывайся, сиди, терпи. Когда сверху смотришь, напоминает муравьиную жизнь. Не представляю, как быть дроноводом. Нечеловеческий какой-то вид. Фигурки маленькие, одинаковые, движения схематичные. Вытянулись в цепь, просеменили, уперлись, сбились в кучку, переждали, рассредоточились, давай рыть, обустроиваться. Фиксируешь их, как инсектолог, пересчитываешь, отправляешь данные. Опасность с неба — разбежались, затихарились все, будто нет никого. Только миновало — хоп, снова высыпали, трупки отложили; поправят норки, рассредоточатся, оглядятся, попробуют продвинуться.

Вон и здесь мураши бегают в щель бетона. Вездесущие. Пара месяцев как школа пустует, а они уже обустроились. Конечно, им тоже не позавидуешь. Только сделают все как надо — норки, туннельчики, комнатки, личинок заведут, тут явится человек, все перепашет, перевернет по неведомому замыслу и исчезнет. И снова тишина. Снова затевать стройку. Хотя, может, это все на разные поколения выпадает — не знаю, сколько они живут.

— Посмотри, там есть мои? — опять запрашивает рацию Юра.

Та что-то хрипит в ответ. Понятно, армейским сейчас не до того. Но посмотрят. Юру знают. Он вытягивает гражданских, попавших под каток войны. Конечно, и солдатиков тоже, если рядом оказался, но обычно наоборот — армейские вывозят мирных на броне вместе со своими. Вообще, эвакуация еще два месяца назад была. Но людей не заставишь, не увозить же насильно. «Куда я поеду», — отмахиваются. Надеются, что пронесет. Какое-то природное упорство — остаться в своих маленьких домиках, у своих крохотных огородов. Вот я, вот мой удел, с ним участь моя. Трудно сковырнуть человека с места. Без этого

пустота. Свое место — оно только одно, создал такое в жизни, хоть крохотное, держись, не упусти. Как без этого жить? Я их понимаю. У самого детства деревенское. Без этого упрямства на земле и не выжить. Копаешь, сажаешь, обрабатываешь. Везде, насколько можешь освоить. И кажется, ну куда столько, в жизни это не переделать. А нет, потихоньку, шаг за шагом, облагораживаешь, обустройстваешь свое. Делай что положено, на небо не оглядывайся, там свои планы. Будет урожай, нет — дальше не от тебя зависит. Наломает, зальет — ну, так получилось. Просто продолжай. Да и любое настоящее дело так. Строишь, по крупинке создаешь, только начинаешь подниматься — то кризис в стране, то законодательство меняется, то еще что. Волной облизет, смотришь — только остов на песке. Но надо продолжать. Иначе никак, зачем тогда всё?

— Может, и выберутся.

Рация снова хрипит что-то. Юра напряженно смотрит сквозь нее, сквозь радиоволны и планшет далекого оператора, через глаз невидимого дрона. Весь там. Но пока ничего. Бывают такие ситуации. Планировали спокойно, а тут такое. Еще вчера можно было. Глава семейства, молодая тетка — мужчины здесь вообще редкость, — не решилась, замешкалась, включила мелочность. Вот ей собрать кое-какой скарб, вот ценное по-прятать, окна заколотить. И детей одних не отдала. Детей, дура.

— Скоро темнеть начнет, — говорит Юра. Не двигается с места.

Может, и поздно уже. Детей жалко. Вот к людям подходит смерть. Не тайком, не по охотке, а вот так, с фанфарами, фейерверками. Уже не отмахнешься, видно издали — самое большое событие жизни грядет. Обычно только тут люди понимают вдруг, что бывает и что-то необратимое, окончательное. Сами как дети. Думали, что вечные. Начинают суетиться, как общажные тараканы на нагреваемом чайнике, — охают, бегают, хватаются за все. Куда бежать? В детстве, помню, учили: когда землетрясение и свет гаснет, нужно взять за руку ближайшего человека и так вместе выходить. Бывало, электричество отключалось — и сразу хватались за руки, но я, слава богу, ощутимых землетрясений не застал. Просто отключалось электричество. Это было давно. В прошлой жизни. В другой стране. В этой же самой стране, но другой. Где найти такую руку сейчас?

— Верба, верба. Посмотри. Еще. Раз, — чеканит Юра в рацию.

Та тихо, бессловесно шипит.

Кто он им, тем людям? Вот является какой-то незнакомец. Собирает их, сам в напряженном возбуждении, крадет из-под злого взора богов войны. Иногда — тихо крадучись по темноте без фар, иногда — экстремальным ралли по бездорожью. Боги зорко следят за любым движением, сделанным без их ведома. Не любят такого. Стараются прихлопнуть на всякий случай, не разбираясь. Но вот, наконец, опасности позади. ПВД³. Какие-то незнакомые заботливые люди, которые, оказывается, ждут эвакуированных, выделяют им уголок для существования. Юра

³ ПВД — пункт временной дислокации.

постоит еще какое-то время, скажет пару каких-то неловких слов, помолчит, перекрестит на прощание. И уйдет навсегда из жизни тех, кого спас. Кто он им? Кто-то неизвестный, необъяснимый, чужой.

— Всё ближе кладут. Пора, наверное.

В Горском девочка живет, иконы рисует. Тоже как-то приехали эвакуировать, а семья отказалась. Мамки нет, немолодой уже отец и трое дочерей. Нет, говорят, не надо нас вывозить, мы остаемся. Только краски нужны. Какие, блин, краски? Верят, что под защитой. Посмотрели — действительно, красиво пишет. Худенькая, лет четырнадцати. Вроде и канонически, что-то неловко немножко, но даже живее получается. Всё сплошь Святой Георгий да Богородица — ее с мамки своей, наверное, пишет. Защитники. Оба на небе. Что тут поделаешь? Но младших забрали, уговорили. Горское пронесло, не зацепило. Когда фронт отступит, воссоединятся. Неясно, скоро ли. Кстати, краски нашли девочке специальные. Передали лаки, кисти, еще что-то. Те — икону в дар. Я не стал брать. Может, обидел даже, не знаю. Помню, еще маленький был, деда хоронили, священник объяснял замысел Божий. А я стоял и не верил, не верил. Крутилось в голове — не может быть, врут они все.

— Выходим, — говорит Юра. Оценивающе оглядывает нас.

Уже вчера понятно было — начинается. «Чего ж сидели до последнего?» — спросили. «Да вот, думали, как-то пронесет», — сказала глава семейства. И детей не отдала. Вот же. Упрямая. Самые упрямые здесь и собрались. Селяне эти, и Юра, и те, кто в рации говорит, и противник. Непонятно, кто победит. Упорство, побеждает всегда именно упорство, бывает, и законы природы поворачивают вспять.

До войны, в другой жизни, где много всяких морей посетил, я видел странный обряд. Собираются раз в неделю ночью на берегу — бьют в барабан и посудыны всякие, ждут знака. У них там с погодой не очень, раз в год бывает неожиданный катаклизм. Так вот, стучат, ждут — сегодня или в другой раз? Вроде пронесло. Расходятся усталые, но успокоенные. Не в этот раз.

Темнеет. Детей жалко. Вот бы хоть какой знак.

— Пора, — говорит Юра.

Спихватываюсь, разжимаю пальцы. Надо же, задумался, чуть ладони не проткнул. Надо бы ногти постричь.

Ухает стихия. Юра стоит на берегу, смотрит вдаль. Конечно, не на берегу, а у бетонного проема. Но смотрит куда-то *туда*, как в море. Скоро совсем стемнеет.